

Устремленный наверх я натянут
струной в ожидании вызова.

Призывает собраться пульсар — для
решения — звездному кворуму.

Но в бездонном тумане меж звезд, от
мерцания сизого,

Нет мне места — заблудшей душой,
неприкаянной — хворому.

Я хочу поклониться — но как?

Своего отыскать где мне пастыря? —

Словно римлянин древней волчице,
вскормившей заблудшего Ромула.

Среди слов — для леченья — ищу я
обрывок сакрального пластыря,

Но, увы, позабыта душою моей
покаяния формула.

Перебрав в голове воспаленной все

то, что никак не слагается,
И с глубинным желаньем постичь,
что не может быть в принципе
познано —

Те слова, что к спасенью души
отыскались — пытаюсь покаяться,
Про себя потихоньку шепчу я упорно,
да, видимо, поздно...

Но...

Тихий август — на крыше сажу.
Небо брызжет кровавыми струями:
То ночной небосвод изрубили
намедни дамасскими саблями
Три наездника в черном — их кони
сверкали слепящими сбруями.
Или грешников слезы с кругов,
раскалившись, горящими каплями
Прорываются — вспыхами мир
освещая — спасая от пагубы?
Потухающий свет не вернешь,
не излечишь алтайскими БАДами...
Говорят, что на Землю так Твердь
просыпается звездами, якобы.
Я готов — на краю — в Небеса
недоступные взмыть водопадами...